

Ань Чанцин чуть сжал пальцы, стараясь, чтобы голос звучал как можно естественнее:

— Князь, уже поздно. Не лучше ли отойти ко сну?

Он изо всех сил старался произнести эту фразу спокойно, но даже шея, видневшаяся из-под ворот, залилась румянцем.

Сяо Чжигэ, однако, оставался недвижим, лишь взгляд его стал глубже.

Он не двигался — и тревога Ань Чанцина вернулась. Румянец сошёл с лица, оставив лишь мертвенную бледность. Подавленный было животный страх снова поднялся из глубины души; он растерянно смотрел на мужчину, не зная, что делать.

Они долго сидели рядом на кровати, погружённые в молчание. Ань Чанцин видел: Сяо Чжигэ хоть и не шевелится, но уходить или сердиться не собирается, — и от этого ему сделалось немного спокойнее. Вспомнив нефритовую подвеску, которую император в прошлой жизни до самой смерти не выпускал из ладони, он снова осмелел. Собравшись с духом и густо покраснев, Ань Чанцин медленно потянулся к Сяо Чжигэ, опёрся ладонями на его плечи и сам прильнул к губам мужчины.

Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

Губы мужчины были суховаты, но на удивление мягки и чуть-чуть тёплые. Ань Чанцин прижался к ним, потёрся раз-другой — и не знал, что делать дальше. За обе свои жизни он так никого и не познал — ни женщины, ни мужчины; в постельных делах он смыслил немного. Взять на себя инициативу в поцелуе — уже было для него пределом возможного.

Он как раз колебался, не отстраниться ли, как вдруг сильная рука перехватила его за талию. Мужчина, который до того безмолвно позволял себя дразнить, разом перехватил инициативу и сомкнул губы на его губах.

Губы разомкнулись, язык мужчины без помех скользнул внутрь. Даже в поцелуе он был словно в бою — властный, не терпящий возражений.

Ань Чанцин задыхался; руки сами собой обвилились вокруг шеи мужчины, и он обессиленно повис на нём.

Наконец Сяо Чжигэ отпустил его. Шершавая ладонь скользнула по щеке и сжала подбородок, взгляд был испытующим:

— Ты меня не боишься?

Он заранее знал, что Ань Чанцин не рад этому браку, — ведь это он, по собственному упрямству, настоял на свадьбе и по сути принудил юношу войти в его дом. К тому же, по донесениям его людей, у Ань Чанцина был двоюродный брат, чрезвычайно к нему внимательный, и отношения их, казалось, были весьма близкими...

Он также заранее приготовился к гневу, упрёкам или холодному безразличию — но никак не ожидал, что тот будет так... льнуть к нему.

Сердце Сяо Чжигэ сжалось, но пальцы так и не разжались. Тяжёлый взгляд его был прикован к лицу Ань Чанцина, словно он пытался сквозь обманчивую внешность заглянуть в самую глубь его души.

Ань Чанцин выдержал его взгляд лишь мгновение и первым отвёл глаза. Машинально облизал губы — и почувствовал солоноватый привкус крови. Только теперь, с запозданием, осознал: мужчина был так груб, что прокусил ему губу до крови.

Он украдкой взглянул на Сяо Чжигэ — и с удивлением заметил чуть тронутые краснотой уши. Тревожное сердце Ань Чанцина разом успокоилось. А потом он вспомнил всё, что было в прошлой жизни, и на душе стало горько и обидно. Крепче обняв мужчину за шею, он с тоской потёрся о его руку и тихо произнёс:

— Я не боюсь тебя. Я только боюсь боли...

Совсем ещё юный, не достигший двадцати лет, — белолицый, с точёным станом — он говорил с мягкими, низкими, протяжными нотками в конце слов. В этом не было нарочитого желания обольстить — и всё же сердце невольно таяло; хотелось немедленно прижать его к себе, укрыть в ладонях, не дать в обиду ни на волос.

Пальцы Сяо Чжигэ дрогнули, и он машинально ослабил хватку. С запозданием до него дошло: в грубости он, верно, причинил юноше боль.

Почувствовав это движение, Ань Чанцин сразу понял, о чём думает мужчина. Он усмехнулся про себя и ещё сильнее укрепился в своей догадке.

Этот человек с виду грозен и суров, но на самом деле внимателен и мягок. Вспоминая прошлую жизнь, Ань Чанцин вдруг, с опозданием, осознал, как много Сяо Чжигэ ему прощал и как нежен с ним был. Пользуясь моментом, он обмяк, прильнул к мужчине и, залившись лёгким румянцем, попросил:

— Князь, потом... помягче...

Тело Сяо Чжигэ мгновенно напряглось. Потеряв самообладание, он отстранил Ань Чанцина, встал и, повернувшись к нему спиной, сухо бросил:

— Не нужно этого. Я не стану тебя принуждать.

С этими словами он, не взглянув на Ань Чанцина, широким шагом вышел из свадебной опочивальни. Лишь поспешность его шагов выдавала в нём беглеца.

От автора:

Ань Чанцин (в тревоге): Как вы думаете, князь не хочет? Или... не может?

Проводив глазами человека, который ушёл, не обернувшись, Ань Чанцин почувствовал и досаду, и обиду, и смутную тревогу. Он потратил столько усилий, даже, забыв стыд, сам отправился к горе — но всё равно свернул на прежнюю колею: Сяо Чжигэ снова не разделил с ним брачного ложа и ушёл спать в кабинет.

По опыту прошлой жизни он знал: уже наутро весть разнесётся, все узнают, что третий молодой господин из резиденции канцлера — не более чем декорация, что в первую же брачную ночь он был отвергнут Бэйчжань-ваном. Даже слуги в поместье князя осмелятся злословить при нём без стеснения.

Раньше Ань Чанцину было всё равно. Но этой ночью — сам не знал почему — при одной мысли о том, как Сяо Чжигэ ушёл, не обернувшись, на душе становилось горько. То он думал: а вдруг

в этой жизни Сяо Чжигэ вовсе его не любит и всё это — лишь его собственные фантазии? То спрашивал себя: не кара ли это небес за то, что в прошлой жизни он пренебрёг Сяо Чжигэ? Сяо Чжигэ столько ему позволял, а он не замечал. А когда наконец прозрел — Сяо Чжигэ его уже не любил.

А ещё он боялся, что даже с новой жизнью не сумеет изменить предначертанного конца: он всё равно умрёт в муках от яда, а Сяо Чжигэ всё равно станет тираном, проклиняемым тысячами, и умрёт в одиночестве во дворце Цифэн, сжимая в ладони его нефритовую подвеску.

Полночи он пролежал с открытыми глазами, ворочаясь с боку на бок. Наконец кое-как забылся сном — и до самого утра смотрел сны: события прошлой жизни мелькали перед ним, словно в калейдоскопе. Ань Чанцин словно снова оказался при последнем издыхании: все внутренности у него скрутило, и боль была такой, что он желал поскорее умереть — только бы не мучиться.

Когда на рассвете Ань Фу вошёл, чтобы разбудить его, он увидел, что господина будто вытащили из воды — весь в поту. Лицо восковое, глаза распухли и покраснели, под глазами залегли тёмные круги. Вид у него был такой измождённый, что страшно было смотреть.

— Господин? — Ань Фу, по всему видно, уже знал о вчерашнем. Он обеспокоенно окликнул: — Князь велел передать, что сегодня во дворец ехать не нужно.

— Хорошо, — Ань Чанцин успокаивающе улыбнулся ему, потёр виски и, взяв себя в руки, распорядился: — Вели приготовить воду, я хочу принять ванну.

Ань Фу, получив приказание, поспешил всё исполнить. Ань Чанцин ещё немного посидел, затем направился в купальню. Там уже была готова горячая вода; две служанки с одеждой в руках стояли по сторонам. Ань Чанцин не привык, чтобы при нём суетились, и жестом отослал их прочь.

Оставшись один, он тихо вздохнул, разделся и погрузился в горячую воду.

Полежав немного в приятно тёплой воде, он почувствовал, что раскалывающаяся голова прояснилась. Ань Чанцин тщательно привёл себя в порядок, облачился в чистое платье и вернулся в свои покои. Служанка подала полотенце — вытереть волосы, затем уложила их и закрепила гребнем, инкрустированным красными кораллами и самоцветами. Ань Чанцин посмотрел на своё отражение в зеркале: он выглядел бодрее прежнего, но измождённость всё равно бросалась в глаза.

А если увидят его в таком виде — ещё неизвестно, какие небылицы наплетут!

Поправив ворот, Ань Чанцин поднялся и, взяв с собой одного лишь Ань Фу, отправился к кабинету — разыскать Сяо Чжигэ. Но в кабинете оказался только старый управляющий Ван Фугуй; самого Сяо Чжигэ и след простыл.

— Князя нет в поместье?

Ван Фугуй, почтительно склонившись, ответил:

— Князь ещё на рассвете уехал в лагерь за городом.

Ань Чанцин про себя возмутился: Сяо Чжигэ определённо нарочно! Кто же наутро после свадьбы бежит в лагерь на перекличку?

— Князь не сказал, когда вернётся?

Ван Фугуй:

— Не сказал.

Старый управляющий держался сдержанно и равнодушно; ничего полезного Ань Чанцин из него не выпытал и ушёл ни с чем. Но когда вместе с Ань Фу он проходил под резной аркой, как вдруг с другой стороны донёсся звонкий голос:

— Слыхали? Князь нынче спозаранку уехал в лагерь за городом.

Другой голос тотчас подхватил:

— Слыхала. Князь и прошлой ночью спал в кабинете. Видели бы вы лицо ванфэй сегодня утром... Мы даже дышать громко боялись.

— А чего вы боитесь? — снова заговорил первый. — Ванфэй явно не в милости у князя. Одно название, что ванфэй. К тому же он мужчина: даже ребёнка родить не может, чтобы упрочить своё положение...

— А по мне, так даже нам, служанкам, живётся лучше, чем ему. Мы-то каждый день князю прислуживаем; глядишь, когда-нибудь князь и на нас взглянет благосклонно. А там родишь ребёнка — глядишь, и мать в почёте...

<http://bllate.org/book/18381/1767586>